

БЕЛОРУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ЗАПАДНОЙ ИНДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

И. И. Таркан,

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»*

В условиях современной культурной диффузии, при которой происходит интенсивное распространение форм и смыслов восточных традиций в культурном пространстве западного общества, вопрос об изучении этих традиций приобретает не только теоретическую, но и социально-практическую значимость. Среди восточных культур, оказывающих существенное влияние на трансформацию повседневности западного общества, заслуживает внимания в том числе индийская.

Исследователи отмечают, что в отличие от других культурных традиций (например, арабо-мусульманской), индийская обладает высокой степенью адаптивности и неконфликтности по отношению к ценностям западного общества [5, с. 267]. Отчасти это объясняется разработанностью в индийской традиции психофизических техник, которые в настоящее время приобрели популярность в виде многочисленных практик йоги. Они позволяют человеку улучшить психофизическое здоровье, не требуя от него радикального переосмысления или отказа от собственных ценностных ориентиров.

Отчасти популярность форм индийской традиции объясняется универсальностью дхармических религий, в которых многие идеи и техники применимы вне их смыслового контекста. Например, представление об аватарах позволяет интегрировать сакральные формы других религий в качестве объекта почитания в индуизме или буддизме. Отсутствие централизованной структуры в дхармических религиозно-мистических практиках не предполагает приобщения адептов к храмовой иерархии. При этом главным условием духовного прогресса являются межличностные отношения наставника (гуру) и ученика. Это привлекает ту часть населения, которая занята поиском ответов на смыслобуждающие вопросы в религиозно-мистических практиках, при этом не желая себя ограничивать рамками институционально-иерархических отношений.

Процесс диалога культур предполагает постоянную рефлексию над рецепцией ценностей другой культуры. Такую позицию самоотчётности собственного восприятия инокультурных форм и смыслов М. М. Бахтин называл вненаходимостью, которую он считал принципом сохранения культурного разнообразия как главного условия диалога культур [3, с. 98].

В свете этого представляет интерес реконструкция восприятия индийской культуры в отечественной индологии.

Следует отметить, что становление и развитие отечественной индологии происходило под влиянием западноевропейской санскритологии, сложившейся в первой половине XIX в. К этому времени в западной индологии выделилось несколько направлений: просветительское, утилитаристское и романтическое [1, с. 17].

Просветители провозглашали рациональность как безусловную ценность и свободу как главную цель, достигаемую через образование. Центром данного направления было Азиатское общество Бенгалии. Члены Азиатского общества представляли собой небольшой кружок просвещённых чиновников Ост-Индской компании, которые были убеждены, что для управления Индией необходимо глубоко знать её культуру и руководствоваться местными законами и обычаями. Поэтому они уделяли много времени изучению индийских языков и переводам литературы, составляли «кодексы индусского права» на основе санскритских источников [16, р. 66–67]. Наибольшую известность среди членов Азиатского общества приобрёл Уильям Джонс, который установил сходство санскрита с греческим и латинским языком, ввёл понятие «индоевропейского языка», сформулировал концепцию индоевропейской цивилизации [14, р. 4458].

Утилитаристы по своим взглядам были близки просветителям, но главное для них – принцип полезности. Поскольку с позиции утилитаристов уровень цивилизации определяется тем, в какой мере она рациональна и придаёт должное значение свободе индивидуальности, ни о каких достижениях отсталых азиатов не могло быть речи. Отсюда вытекало, что Индия нуждается не в изучении, а в сильной власти и распространении на её территории европейского образования. В этом духе была написана «История Британской Индии» Джеймса Милля [15].

Романтики проявляли интерес к другим культурам, к познанию иного, изучению национальных особенностей. Признавали, что каждая культура имеет свою систему ценностей. Особое внимание романтики уделяли истории, эстетизировали древность и пытались найти в прошлом общие корни человеческой цивилизации. Поэтому гипотеза о существовавшей некогда индоарийской цивилизации, сформулированная У. Джонсом, стала исключительно популярной в романтической среде, которую представляли такие немецкие мыслители, как Фридрих Шлегель, Вильгельм Гумбольдт, Иоганн Готфрид Гердер и др.

Под влиянием европейской индоевропеистики начинает развиваться санскритология и в России. Одним из первых исследователей, сделавших значительный вклад в становление русской школы индологии, был выходец из Беларуси Казтан Андреевич Коссович. К изучению санскрита его подтолкнули славянофилы, воодушевлённые идеей исторического родства санскрита и славянских языков. В частности, А. С. Хомяков настолько был увлечён поисками древнеиндийских слов, сходных со славянскими, что утверждал, будто из всех существующих европейских языков нет ни одного, который был так близок санскриту, как русский [13, с. 335]. Памятником такого же рода энтузиазма является подготовленный К. А. Коссовичем «Санскрито-русский словарь». Автор словаря сопроводил все санскритские слова русскими буквами и расположил их в порядке русского алфавита, чтобы облегчить пользование им для лиц, «не знающих Санскритского языка» [9, с. VIII]. Когда в Петербургском университете был образован факультет восточных языков, К. А. Коссович занял кафедру санскрита. Ввиду того, что К. А. Коссович не был профессиональным учёным, его преподавание не отличалось научной глубиной и систематичностью. Однако он выступил активным популяризатором санскрита и способствовал формированию индологии как научной специальности в России [8, с. 203].

Индоевропейская гипотеза дала мощный импульс для развития индологии и всего востоковедения. Фактически во всех университетах Европы были созданы кафедры санскрита. Основаны первые востоковедческие организации. Накоплены литературные памятники и сделаны многочисленные переводы санскритских текстов. Сформированы методы сравнительного языкознания. Индоевропеистика сформировала подходы и методы научного исследования не только для изучения наследия индийской культуры, но и других азиатских обществ.

В конце XIX – первой половине XX в. индология освобождается от индоевропеистики и превращается в комплекс специальных дисциплин. В центре внимания по-прежнему остаются санскритские тексты, но их анализ осуществляется в контексте реальной индийской, а не гипотетической индоевропейской (индоарийской, индогерманской) культуры. В это время на первое место выходят темы, которые ранее считались периферийными: роль буддизма в индийской истории, политическая история Индии, влияние неарийского (дравидского) субстрата на культуру Индии.

Ещё одним важным направлением становится исследование истории социально-экономических отношений в индийском обществе. Данной проблематикой занимались преимущественно советские индологи и их зарубежные коллеги, которые придерживались марксистских взглядов на историю. Принимая тезис о том, что подлинная история лежит в развитии экономики, индологи-марксисты отрицали идею о специфике индийского духа, призывали выявлять общие закономерности, применимые к любому азиатскому обществу. Основные вопросы были направлены на выяснение особенностей индийского рабовладельчества и феодализма, периодически на протяжении нескольких лет шли дискуссии об азиатском способе производства [2, с. 35–36].

Значительный вклад в развитие советской индологии сделал выходец из Беларуси – Владимир Васильевич Балабушевич, руководивший в 50–60-е гг. Отделом Индии Института востоковедения АН СССР. Один из ведущих современных российских индологов – Леонид Борисович Алаев – отзываясь о В. В. Балабушевиче как о талантливом организаторе науки: «Создание этого коллектива (авт. – Отдела Индии) и поддержание в нём здоровой рабочей атмосферы – заслуга В. В. Балабушевича. Четырёхтомная «История Индии» была создана по его инициативе и при его постоянном участии» [1, с. 193]. Л. Б. Алаев продолжает: «Сочетание благоприятной конъюнктуры (хрущёвская «Оттепель» и резкое расширение Института) с исключительными «менеджерскими» (как мы сказали бы сейчас) и человеческими качествами Владимира Васильевича привели к тому, что время его руководства Отделом Индии стало золотым веком отечественной индологии. Сотрудники Отдела играли ведущую роль во всех дискуссиях, которые в то время проходили в востоковедении...» [1, с. 193–194].

В 90-е гг. XX в. на постсоветском пространстве, включая и Беларусь широкое распространение получили неоиндуистские учения (кришнаизм, рерихианство, раджнишизм и др.). В этой связи появляется ряд работ, посвящённых новым религиозным движениям, в том числе и неоориентальным. Особый интерес представляет отдельное издание «Неокульты: «новые религии» века?» [10]. В сборник включены статьи известных белорусских ученых и молодых авторов: Е. С. Прокошина, И. Ф. Рекуц, О. В. Дьяченко, Е. К. Агеенкова. В это время выходят отдельные работы, авторы которых затрагивают неоиндуистские движения в Беларуси: А. В. Верещагина, Л. Е. Земляков [4; 7]. Среди них выделяются работы А. В. Гурко, представляющие собой этнографическое исследование общества сознания Кришны [6]. Автор подробно раскрывает особенности повседневной жизни членов этого движения.

В современной белорусской индологии важное место занимает Олег Валерьевич Перзашкевич, сотрудник кафедры Древнего мира и Средних веков исторического факультета БГУ. В центре внимания его диссертационного исследования («Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества» [11]) и последующих работ – роль и место жречества, его функции и положение в древнеиндийском обществе. В качестве предмета исследования для О. В. Перзашкевича выступают ригведийские (ранневедические) тексты. На их основе автор

реконструировал ригведийские институты и раскрыл их историческое значение. Исходя из текстов, автор пришёл к выводу о существовании ригведийского общества. Выдвинул предположение о существовании в ригведийском обществе жреческого государства. О. В. Перзашкевич последовательно критикует концепцию арийского вторжения, доказывая автохтонность местного населения эпохи Ригведы [12, с. 31].

Таким образом, осуществлённая выше теоретическая реконструкция позволяет выявить следующие этапы в развитии индологической мысли Беларуси.

1. На первом этапе (с XIX в.) происходит становление академического освоения текстового наследия Индии. Отечественные исследователи подчёркивают генетическое родство санскрита и славянских языков. В целом, представления о санскрите как основе индоевропейских языков были общими для западной индологии того времени.

2. Второй этап (середина XX в.) ознаменован академическим интересом, направленным на выявление общих закономерностей развития стран Азии. В этой связи научные исследования фокусируются на социально-экономических процессах Индии.

3. Третий этап (со второй половины XX в.) связан с научным анализом распространения форм и практик индийской традиции в Беларуси. Исследования этого периода посвящены решению проблем межкультурного диалога, связанных с поверхностной трактовкой восточных культурных смыслов в контексте культуры Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алаев, Л. Б. *Историография истории Индии* / Л. Б. Алаев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. – 472 с.
2. Алаев, Л. Б. *Советская школа индологии. Исторические исследования (1917–1991)* / Л. Б. Алаев // *Россия–Индия : перспективы регионального сотрудничества* (Липецкая область). – М., 2000. – С. 25–41.
3. Бахтин, М. М. *Автор и герой в эстетической деятельности* / М. М. Бахтин // *Собр. соч. : в 7 т.* – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. *Философская эстетика 1920-х гг.* – С. 69–263.
4. Верещагина, А. В. *Конфессии: развитие в многообразии* / А. В. Верещагина // *Беларуская думка.* – 1996. – № 8. – С. 54–59.
5. Горохов, С. А. *Роль индуизма в общественно-политической жизни Индии* / С. А. Горохов // *Преподаватель XXI век.* – 2011. – № 2. – С. 266–272.
6. Гурко, А. В. *Вайшнавизм и его особенности в Беларуси: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07* / А. В. Гурко ; АН Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1993. – 27 с.
7. Земляков, Л. Е. *Государство и религия: новые отношения* / Л. Е. Земляков // *Беларуская думка.* – 1997. – № 12. – С. 21–28.
8. *Историография истории Древнего Востока* : в 2 т. / под ред. В. И. Кузищина. – Т. 2. – М. : Высшая школа, 2009. – 416 с.
9. Коссович, К. А. *Санскрито-русский словарь* / К. А. Коссович. – М. : АБВ, 2017. – 360 с.
10. *Неокульты: «новые религии» века?* / Е. С. Прокошина [и др.] ; под ред. А. С. Майхровича. – 3-е изд., доп. – Мн. : Четыре четверти, 2000. – 240 с.
11. Перзашкевич, О. В. *Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества* : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Перзашкевич. – Минск, 1999. – 142 л.
12. Перзашкевич, О. В. *Ригведийское жречество* / О. В. Перзашкевич. – Мн. : БГУ, 2014. – 327 с.
13. Хомяков, А. С. *Сочинения в двух томах. Работы по историософии* / С. А. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Том 1.
14. Littleton, C. S. *Indo-European Religions : History of Study* / C. S. Littleton // *Encyclopedia of Religion* : 14 vol. / ed. in chief L. Jones. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 7. – P. 4457–4466.
15. Mill, J. *History of British India* : in 10 Volumes / J. Mill, H. H. Wilson. – London : Madden, 1858. – Volume 1.
16. SarDesai, D. R. *Asiatic Societies of Bengal and Bombay* / D. R. SarDesai // *Encyclopedia of India* : 4 vol. / ed. in chief S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. 65–68.